

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ АНАЛИЗЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОСТИ И МИФА

Тычкин П.Б., Погукаева Н.В.

ГОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Институт социально-гуманитарных технологий. Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: medved2912@mail.ru, pogukaeva@mail.ru

---

Исследуется фундаментальная категория человеческого бытия – «время». Выделены основные методологические подходы к определению темпоральности в мифе. Доказывается идея о возможной корреляции способов понимания времени в науке и мифе. Сформулированы основные характеристики категории времени и её функция в мифологическом мышлении: слитность, взаимопроницаемость, вертикальность. Миф создает смыслы, формирует устойчивую онтологическую картину мира, делает человека активным началом в «конструировании реальности». Описаны основные виды темпоральности в классической и неклассической науке. Раскрыта специфика трансформации категории «время» в неклассической науке: актуализация относительности и вероятности процессов; комплиментарность. Изучена «бутстрепная» теория частиц Д. Чу. Временные процессы микромира дискретны, разноплановы и не существуют в рамках универсальной целостности.

Ключевые слова: миф, темпоральность, неклассическая наука.

THE HEURISTIC ASPECTS OF TEMPORAL CATEGORY IN COMPARATIVES ANALYSES OF CONTEMPORARY SCIENCE AND MYTH

Tychkin P.B., Pogukaeva N.V.

National Research Tomsk Polytechnic University. Institute of socio-humanitarian technology. Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenina av., 30), e-mail: medved2912@mail.ru, pogukaeva@mail.ru

---

The fundamental category of human being "time" is investigated. The main methodological approaches of temporal category in myth are distinguished. The idea about possible correlation of ways of understanding of time in science and the myth is proved. The main characteristics of "time" and its functions in mythological consciousness are: coherence, mutually permeability, verticality. The myth is creating a sense, forming a stable ontological picture of the world, and does the person by the active beginning in "reality designing". The main types of temporal category in classical and non-classical science are illustrated. The specific of transformation category "time" in a framework of non-classical science is shown in this article. The bootstrap theory of strong interactions by Chey Geoffrey Foucar is observed. The time processes of microworld are discrete, multi-faceted and do not exist in a framework of universal completeness.

Keywords: myth, temporal category, non-classical science.

Одной из фундаментальных категорий, без которых, по-видимому, не обходится онтологическое основание ни одной картины мира, является время. С одной стороны, она выступает в качестве стержневого априорного элемента, обуславливающего восприятие мира, с другой – играет роль своеобразного проводника, обеспечивающего непротиворечивость конституирования последнего в конкретной форме мировоззрения и возможность осуществления действия. Как следствие, во многих исследованиях, связанных со сравнительным анализом различных типов знания, указанная категория применяется в первую очередь как критерий такого анализа, позволяющий выявить сходства и различия рассматриваемых картин мира. Так, практически все концепции, связанные с изучением как мифа самого по себе, так и ориентированные на компаративистские исследования, так или

иначе содержат характеристики пространственно-временных закономерностей. Спектр выводов, реализованных в данных исследованиях, чрезвычайно широк как в силу различной их направленности, так и в зависимости от целей и логики их авторов. Отсутствие на настоящий момент единой методологической системы в изучении мифа приводит к значительному разнообразию в контексте рассмотрения категории времени. Однако все же представляется возможным говорить о нескольких основных тенденциях в этом направлении. Первая из них связана с констатацией принципиальных и непреодолимых отличий понимания и функционирования рассматриваемого понятия в мифе и других формах знания (в частности, науке). Причем такая констатация внутренне весьма разнообразна – от утверждения примитивности представлений о времени в мифе в нововременной наукоцентристской парадигме и ее продолжениях до реабилитации мифа перед лицом науки у Э. Кассирера, К. Хюбнера и ряда других авторов.

Стержневым положением другой тенденции становится идея о возможной корреляции способов понимания времени в науке и мифе. В данном случае мы с большей степенью осторожности (нежели в первом случае) должны говорить о наличии именно тенденции, поскольку существует опасность включения в ее круг различных квази- и лженаучных теорий, что девальвирует философскую легитимность указанного подхода. Кроме того, даже в рамках строго эпистемологических изысканий, концептуальных исследований, ориентированных на идею корреляции временных дефиниций науки и мифа, сегодня практически нет. Скорее, речь идет об отдельных публикациях, не имеющих пока характера целостных концепций [2, С.187-204]. Тем не менее в контексте рассматриваемой нами проблематики именно такой подход представляется наиболее перспективным.

Значение темпоральности в качестве критерия для компаративистского исследования потенциала взаимодействия науки и мифа приобретает особую роль в рамках модуса, согласно которому такой потенциал может быть выявлен не из утверждения о тождестве категории истины в исследуемых формах знания, а из сопоставления логик их мышления. В этой связи привлекает внимание ценность мифа как алгоритма мышления, совокупности паттернов сознания, определяющих модель деятельности. Как пишет Х. Ленк, «понятие «миф» или «мифическая функция» становится инструментом анализа деятельности, но, кроме того, может быть использовано и в исследовании нормативных конституций и формирования образцов действия, а также для описания практической ориентации действий и нормативно ориентированного оправдания их самими участниками... «мифические функции» могут удачно применяться к отдельным жизненным сферам и взаимосвязям действий культурного происхождения» [5, С.128-129]. Сравнение закономерностей развертывания мыслительных операций, определенные параллели в способах построения

картины мира, интенции в логике интерпретаций базовых онтологических и гносеологических категорий – то есть основополагающие элементы именно *функционирования* мифа и науки как дискурсивных практик – создают основания для реализации эффективного (при всей утилитарности такого понятия) комплексного исследования. Образно говоря, «миф правдив, потому что эффективен»[1, С. 18].

Экспликация возможных параллелей в понимании времени в науке и мифе требует предварительного определения основных характеристик темпоральности в указанных формах знания. При всем разнообразии концепций и подходов в изучении мифа, возможно выделить ряд инвариантных характеристик категории времени и ее функционирования в мифологическом мышлении. На наш взгляд, достаточно релевантно они представлены, в частности, у К. Хюбнера. Позволим здесь привести обширную цитату, поскольку ее содержание весьма четко описывает суть вопроса: Время в мифе «во-первых, не является средой, в которой происходят события, а время и содержание времени образуют неразрывное единство. По этой причине, во-вторых, мифические объекты не находятся в определенной точке времени этой среды в том смысле, что они могут быть отмечены на ней, а показывают сами по себе лишь определенную последовательность событий. Мифическое время является, в-третьих, не одномерным, а многомерным, так как состоит из профанного и священного. Профанное время является в этом смысле открытым временем: оно необратимо, течет из прошлого в будущее и содержит выделенное "сейчас" в качестве настоящего. Священное же время, напротив, циклично. Хотя оно имеет направление (4 времени года), но в нем не существует определенного "сейчас" как настоящего, и оно не течет из прошлого в будущее в том смысле, что прошедшие события уже не существуют, а будущие события еще не существуют. Священное время не изображает также и непрерывную связь, а состоит из отдельных, частично независимых друг от друга временных гештальтов, архе. В-четвертых, священное время укладывается и отображается в профанном времени всякий раз, когда "случается" архе. В-пятых, в силу этого с профанной точки зрения прошлое может постоянно повторяться и возникать в настоящем. Как нечто вечное, оно является с профанной точки зрения также и будущим. Так совпадают в настоящем прошедшее и будущее» [10,С.142].

Таким образом, одной из важнейших характеристик времени в мифе является его слитность, взаимопроницаемость как в линейном (прошлое, настоящее, будущее), так и в «вертикальном» (профанное и священное) аспектах. Как следствие, миф «благодаря своей постоянной активности и неугасающей актуальности как бы постоянно присутствует "здесь" и "сейчас". Можно представить себе, что для мифологического сознания существует некая "другая реальность", которая способна актуализоваться в "нашем" пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние» [6, С. 24].

Такое понимание времени утверждает синкретизм мифа как результата космоизации мира. Время мифа представляет собой универсальный континуум, весьма разнородный в своих формах, которые, однако, гармонично связаны в первую очередь именно посредством указанной взаимопроницаемости.

Переходя, далее, к описанию характеристик времени в научном дискурсе, мы сталкиваемся с определенной трудностью. Суть ее заключается в том, что если категория времени для мифа может быть описана как единая, внутренне однородная система взглядов, то при описании представлений о времени в научной традиции необходимо учитывать то, о какой науке идет речь. Очевидно, что в классическом, неклассическом и постнеклассическом типах научной рациональности, фундирующих соответствующие модели науки (согласно классификации В.С. Степина), понимание времени как фундаментальной категории познавательного процесса и картины мира принципиально различно. Именно игнорирование указаний на рассматриваемый тип научной рациональности в сравнительных исследованиях мифа и науки зачастую приводит к потере четких критериев для анализа, возникновению методологических ошибок, некорректным оценкам и, как следствие, взаимному непониманию авторами друг друга.

Исходя из этого, необходимо отметить, что указанная выше тенденция, утверждающая невозможность корреляции характеристик времени в мифе и науке, обращается к классическому типу последней, что, собственно, и обуславливает данную интенцию. Строгая изотропность, однонаправленность и, в конечном счете, игнорирование времени как длительности и изменчивости [7, С. 197] в классическом естествознании создают основания для четкого противопоставления его «прозрачному» времени мифа. Помимо этого, классическая наука Нового времени выводит на первый план требование строгой метризации времени (связанной с «периодически эквивалентными процессами» [2, С. 197]), фундирующее использование последнего в построении механистической картины мира. В результате объективации мира в классическом типе научной рациональности «священное» время мифа уходит с арены как проявление всего уникального, случайного, неповторимого, единичного [8, С. 205]. Тожество временных отрезков характеризовало и профанное время мифа, но исчезновение понятия «священного» времени мифа (как и собственно дискредитация мифа в целом) в своей соотнесенности с профанным, привело к трансформации последнего в единственное понятие «времени вообще».

В этой связи абсолютно закономерно большинство выводов о невозможности нахождения точек соприкосновения при сравнении подходов к пониманию темпоральности в мифе и классическом типе научности. Однако даже при указанном очевидном различии, существуют взгляды, все же усматривающие возможности корреляции рассматриваемых

категорий. Так, В. Депперт указывает на тот факт, что нормативные установления механистической картины мира требуют наличия единого всеобъемлющего времени, что, соответственно, подразумевает рассмотрения каждого отдельного времени (отрезка, события) как референта общего Времени. По мнению немецкого исследователя это является свидетельством присутствия мифа («мифогенной идеи») в научном дискурсе [2, С. 189-190]. Однако подобные примеры зачастую носят фрагментарный характер, поскольку при всей их справедливости они не в состоянии кардинально изменить интерпретацию фундаментальных постулатов картезианской парадигмы с тем, чтобы найти в последней концептуальные возможности для успешной корреляции с онтологией мифа.

Формирование в XX веке неклассической научности приводит к принципиальным изменениям в представлениях о времени. Квантово-механическая реальность актуализирует такие категории, как относительность и вероятностность процессов. Исчезновение строго определенных характеристик в описании времени связано с релятивистским характером процессов, протекающих в субатомной реальности, которые описываются, в частности, с помощью положений принципа дополнительности Н. Бора и соотношения неопределенности В. Гейзенберга. Во многом на основании указанных принципов формируется дискретное понимание времени, подразумевающее отсутствие в микромире привычной для макромира однонаправленной непрерывной темпоральности.

Обращаясь к категории времени в контексте мировосприятия мифа, мы можем обнаружить целый ряд характеристик, позволяющих говорить о комплиментарности понимания времени в постнеклассической науке и мифе. В первую очередь речь идет о дискретном характере времени и событий, в нем происходящих (несмотря на то, что, строго говоря, главным образом такая дискретность есть особенность священного времени, мы распространяем указанную дефиницию на категорию времени в мифе в целом, поскольку вне связи со священным профанное время не мыслилось). В данном случае дискретность должна пониматься как уникальность определенных фрагментов времени, содержащих законченное событие (архэ). Такие фрагменты могут быть связаны, но не в системе «общего» гомогенного понятия времени, а в логике «очевидной необходимости» такой связи, не обусловленной универсальным временным критерием. Помимо этого, архэ, представляя собой архетипическое прасобытие, не содержится исключительно в прошлом, оно присутствует во всех привычных для профанного времени измерениях, определяя настоящее. Иными словами, «соотнесенность мифологической темпоральности предполагает связь любого мифологического момента с любым моментом обыденного времени. Эта способность соотноситься с разными моментами времени и приводит к циклическому раскрытию мифологической темпоральности в темпоральности обыденной реальности» [3,

С. 134]. Такой способ понимания временных процессов в мифе коррелирует с логикой теории самоорганизующихся систем (являющейся одним из базовых методологических оснований постнеклассической науки) в ее части, касающейся описания модуса восприятия времени. Указанный модус во многом определяется требованием к событиям, заключающимся в способности последних изменять направленность эволюционных процессов, выступая в качестве начала нового процесса [9, С. 48]. Многообразие обрядовых и ритуальных действий в мифе выражает не что иное, как воспроизводство в новых, современных условиях архэ, прасобытия. Само по себе оно имеет непреходящий сакральный характер, но результат такого воспроизводства в профанной реальности всякий раз варьирует, создавая многообразные инварианты архетипического действия. Подобным образом событие в синергетической концепции может являться источником нового вектора трансформации системы, при этом сама структура такого события зачастую повторяется, но в новых условиях, что создает основания для создания нового уровня организации системы.

По словам К. Хюбнера, в священном времени «не существует определенного "сейчас" как настоящего, и оно не течет из прошлого в будущее в том смысле, что прошедшие события уже не существуют, а будущие события еще не существуют. Священное время не изображает также и непрерывную связь, а состоит из отдельных, частично независимых друг от друга временных гештальтов, архе. Священное время укладывается и отображается в профанном времени всякий раз, когда "случается" архе... в силу этого с профанной точки зрения прошлое может постоянно повторяться и возникать в настоящем. Как нечто вечное, оно является с профанной точки зрения также и будущим. Так совпадают в настоящем прошедшее и будущее» [10, С. 142-143].

В данном случае мы имеем возможность проследить определенную взаимосвязанность логики понимания времени в теории квантовых процессов и в мифе. «Временные гештальты» К. Хюбнера, будучи относительно независимыми образованиями, в мифе путем своеобразной аппроксимации порождают целостную картину мира, темпоральность которой есть результат последовательного наведения фокуса от «отдельных» архэ к синкретизму. Безусловно, указанный синкретический модус мифического восприятия времени не является идентичным подходу науки к континуальному времени макромира. Речь идет об определенных параллелях в логике трансформации представлений о времени в рассматриваемых формах знания. Как уже было сказано, ключевым моментом в данном случае выступает категория дискретности времени, выраженная в мифе и науке в различных видах (отдельный квант как событие в микромире физики и изначальное архэ мифа), логика функционирования которых, однако, в известной степени носит коррелятивный характер.

О дискретности времени в мифе пишет и Э. Кассирер, констатируя тот факт, что в мифе «отдельные отрезки времени сами по себе обладают качественной формой и качественным своеобразием, самостоятельной сущностью и действенностью. Они образуют не просто равномерный, чисто экстенсивный ряд, но каждому из них присуща интенсивная наполненность, в силу чего они оказываются сходными и несходными, гармонизирующими или противоречащими друг другу, дружественными или враждебными... Мифу чуждо разделение отдельных временных ступеней и включение их в одну единую жесткую систему, где каждому событию отводится одно и только одно место... также не удастся обнаружить разделение времени на четко разграниченные временные ступени – на прошлое, настоящее и будущее, – напротив, то и дело сознание поддается тенденции и искушению нивелировать эти различия, более того, переводить их в конце концов в полное тождество» [4, С. 122].

Подобно тому, как необратимость и синхронность профанного времени мифа связана с уникальностью архэ времени священного, определяющего событие настоящего, процессы, происходящие в субатомной физической реальности, несмотря на свою дискретность и противоречивость, определяют гомогенность времени в макром мире. Миф, изначально основываясь на видении отдельного результата действия и апеллируя в первую очередь к непосредственному локальному чувственному впечатлению как отдельной точке настоящего времени, впоследствии постепенно уходит из «эмпирического» плена сиюминутных действий и начинает усматривать в наборе событий определенную закономерность, формирующую впоследствии гармоничную картину универсального миропорядка, базирующуюся на идее вечного круговорота (и, следовательно, Времени) [4, С. 124]. При этом рассматриваемая трансформация представлений о времени в мифе происходит как естественный процесс, не требующий кардинальных мировоззренческих изменений, тогда как принятие квантовой теории в ее части, касающейся аппроксимационной модели понимания времени, зачастую связано с трудностью в первую очередь мировоззренческого порядка. Именно в этом смысле обращение к модальности мифа в интерпретации категории времени может стать серьезным шагом в преодолении барьеров в понимании времени в контексте современной научной картины мира.

Приведенные примеры общности модусов понимания времени в постнеклассическом образе науки и в мифе (несмотря на эволюцию квантовой механики с момента ее возникновения, положения, использованные в качестве элементов для сравнения, сохраняют актуальность и в постнеклассической науке) дают основания для констатации легитимности логики понимания времени в структуре мифологического мышления в качестве одного из принципов, лежащих в основании онтологических установок постнеклассической науки и

определяющих методологические схемы и познавательные операции, реализуемые в процессе ее развития.

Список литературы

1. Армстронг К. Краткая история мифа. М., 2005. 160 с.
2. Делперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. 402 с.
3. Карпицкий Н.Н. Виртуальность и темпоральность // Известия Томского политехнического университета. 2003. Т. 306, № 4. С. 132-136.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М., 2001. Т. 2: Мифологическое мышление. 280 с.
5. Ленк Х. Спорт как современный миф? // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 128–129.
6. Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М., 2000. С. 23-30.
7. Осаченко Ю.С. Миф в контексте постнеклассической науки. Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2. 197 с.
8. Петрова Г.И. Актуализация нетрадиционных методологий в современном научном мире // Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2. С. 205-208.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2003. 240 с.
10. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.

Рецензенты:

Корниенко А.А., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.

Ардашкин И.Б., д.филос.н., профессор, кафедра философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.